

В. СОГРИН: *Идеология умерла. Да здравствуют идеологии?*

Теория деидеологизации оказалась у нас на удивление недолговечной: сегодня о ней не вспоминают даже недавние ревностные поборники. Вооружившись неортодоксальными концепциями и доктринами, они вступили в противоборство с теми, кого лукаво призывали отречься от «идеологизмов» ради торжества «естественного порядка вещей».

На трон, занятый прежде одной-единственной идеологией, заступил целый сонм теорий, доктрин и концепций: монополия сталинско-брежневского «марксизма» уступила место настоящему концерту идеологий.

Итак, проблема взаимоотношения идеологии и науки не только не утратила свою актуальность, но приобрела еще большую

остроту: ведь теперь наука должна «обустраивать» свои отношения сразу с несколькими идеологиями.

Совместимы ли они вообще? Э. Баталов, осмысливая опыт «единственно научной» марксистско-ленинской идеологии, поднимается до обобщения: «Причина разрушительного воздействия «научной идеологии» на науку лежит на поверхности: эта идеология вовсе не была, да и не могла быть научной. Идеология и наука — принципиальные антиподы, а «научная идеология», независимо от ее конкретного содержания, — нонсенс»¹. На подобных позициях стоит и В. Федотова, которая, следуя авторитетной, можно сказать, классической, концепции Мангейма, указывает на принципиальное сходство идеологии и утопии: «Следовательно, идеологии и утопии различаются не своим содержанием и не степенью истинности, а тем, что одна система идейного воздействия способна поддерживать существующие социальные и политические институты (идеологии), другая же — подвергнуть их критическому пересмотру (утопии)»².

С этими выводами мне хотелось бы поспорить. Причем в отличие от философов Баталова и Федотовой я, будучи историком, попытаюсь опираться на конкретно-историческую практику. На мой взгляд, если в СССР потерпела банкротство идеология казарменного коммунизма, пусть и претендовавшая на титул научной, и даже «единственно научной», идеологии, то это не значит, что антинаучны, несовместимы с наукой все и всяческие идеологии. Чем провинилась, например, идеология Просвещения, выразители которой от Дж. Локка до Т. Джефферсона выдвигали передовые и научные, в первую очередь, естественно, для своей эпохи, доктрины (каждая истина конкретна и является функцией времени!). Они воплотились тогда в общественном устройстве США, Англии, Франции, что позволило этим странам на десятилетия обогнать в историческом развитии другие регионы и страны, в том числе Россию. А такие «идеологизмы» просветителей, как общественный договор, народный суверенитет, гражданское общество и «правление законов» (по современной терминологии — правовое государство), разделение властей, экономический и политический рынок, приобрели обществцивилизационный

характер и справедливо относятся нами сегодня к общечеловеческим ценностям. Так совместимы они с наукой или нет? Думаю, вопрос этот чисто риторический.

Маркс и Энгельс, как известно, объявляли идеологию Просвещения, как и все прочие идеологии, антинаучной, приравняв ее к «идеализированному царству буржуазии». Но этот жестко классовый, формационный подход к идеологической системе Просвещения предопределил сектантскую самоизоляцию (особенно ярко это проявилось в интерпретации эпигонов) научного коммунизма: он исключил такие ценности, как гражданское общество, правовое государство, разделение властей, которые обуславливают демократизм любого общества. Отождествление подлинной демократии с диктатурой пролетариата и «соединением властей» сыграло злую роль в судьбе научного коммунизма. Двухвековой опыт истории доказал, что гарантии политической демократии заключены в формулах Просвещения, а не в социально-политической доктрине марксизма.

Исходя из простого, но надежного признака научности для общественных наук — общественно-политическая практика как критерий истины, — я полагаю возможным признать научными политические формулы идеологии Просвещения, а ненаучными — научного коммунизма. Но из этого следует и еще один вывод: идеология идеологии рознь, все они скопом не могут быть объявлены антинаучными. Поправив марксистскую оценку научных возможностей собственной идеологии, мы должны поправить его приговор и в оценке «антинаучности» идеологии Просвещения. Поправки же эти лично я как историк черпаю из опыта живой истории: она отсеивала и будет отсеивать, какие бы препятствия ей ни чинили, ложные идеологии, идеологии-утопии, противоречащие потребностям общественного развития, но она же будет продлевать жизнь тем идеологиям, которые дают свободу этим потребностям. И до тех пор, пока формулы Просвещения, созданные двести с лишним лет назад, будут служить гарантиями политической демократии, они могут претендовать на звание научных.

Здесь я хотел бы высказать критическое суждение в адрес тех наших современных

¹ «Общественные науки и современность», 1991, № 3

² Там же.

радикальных публицистов и политиков (Л. Баткин, Ю. Афанасьев и др.), которые, осудив вмешательство социалистических идеологов в естественный ход исторического развития общества, увязывают концепцию такого вмешательства генетически с просветительской историей общественного прогресса. Все зло в мировой истории нового и новейшего времени, по их заключению, берет начало от «выдумок» просветителей о возможности искусственного воздействия на ход истории. На мой же взгляд, заключение подобного рода содержит в себе не меньше сектантства, чем отношение к Просвещению порицаемых нашими радикалами ортодоксальных марксистов. Нельзя же, в самом деле, на основе порочного опыта волюнтаристского управления общественным развитием со стороны Сталина, Хрущева, Брежнева отрицать вообще возможность плодотворного воздействия социальных проектов на историческое развитие. Да еще при этом возлагать ответственность за советский казарменный коммунизм вслед за Марксом и на просветителей.

История свидетельствует: вмешательство в ее развитие не только возможно, но и желательно, и необходимо, если оно отвечает объективным потребностям общественного развития. Между прочим, вопрос о возможности искусственного воздействия на общественное развитие является главным, разделяющим сегодня на Западе либералов и консерваторов: первые на протяжении XX в. твердо выступают за социальную инженерию, вторые стоят на страже «естественного порядка вещей». Но именно благодаря либералам были существенно изменены «естественные законы» развития капитализма, несшие ему, как пророчил Маркс, неизбежную гибель. Такие либералы, как Ф. Д. Рузвельт, с помощью реформистских идеологических проектов сумели снять жестко катастрофическую историческую альтернативу «социализм или капитализм» и направили развитие последнего по более цивилизованному руслу. А вот развитие капитализма в рамках «естественного порядка вещей» было бы для него не менее губительно, чем волюнтаристское руководство советским обществом идеологами казарменного коммунизма.

Итак, история обнаружила несостоятельность претензий какой-то одной-единственной идеологии на исключительность и научность, но она отнюдь не свидетельствует о несомме-

стимости идеологий и науки. Признавая принципиальные различия между идеологией и наукой, то, что они суверенны, обладают отличными функциями и никогда не могут быть тождественны (понятие «научная идеология» представляется мне несостоятельным именно по этой причине, а не потому, что наука и идеология вообще несовместимы), я полагаю крайне важным обсудить вопросы: при каких условиях возможны плодотворный диалог и взаимодействие между идеологией и наукой? какая идеология наиболее предрасположена к усвоению и использованию выводов и рекомендаций науки? какая наука может оказать наибольшую пользу идеологиям и политике?

Плодотворное взаимодействие между идеологией и наукой исключено при утверждении монополии какой-либо идеологии, а тем более при введении одной из идеологий в ранг государственной. Идеология и государство должны быть разделены, так же как в свое время были разделены церковь и государство. Это не означает, что в обществе не может возобладать одна из идеологий (факты подобных преобладаний мы встречаем и в США, и в Англии, и в других странах, где нет государственных идеологий), но она должна утверждать эту свою позицию в ходе равной конкурентной борьбы с другими идеологиями, а кроме того, ее утверждение на ведущей позиции идеологии-гегемона не должно отменять шансов для других идеологий претендовать на эту роль.

Наличие плюрализма идеологий, их состязательности, утверждение вслед за экономическим и политическим рынком рынка идеологического — одно из условий того, что борющиеся за выживание идеологии «потянутся» за советами и рекомендациями к науке.

Условием поворота идеологий лицом к науке является также наличие многопартийности, периодической смены партий у кормила власти. Проигравшая на выборах политическая партия вынуждена совершенствовать свой вариант общественного договора, чтобы иметь шанс на следующих выборах, а победившая стремится, чтобы сохранить доверие избирателей, максимально реализовать предвыборные обещания. Если ее программа не способствует общественному прогрессу, она стремится воспользоваться так или иначе рекомендациями науки, ибо идеологам избиратели до бесконечности верить не будут и на очередных

выборах расторгнут общественный договор, который не может получить практического подтверждения. Одно из условий плодотворного взаимодействия той или иной идеологии с научными принципами и рекомендациями — ее открытость и отказ от абсолютизации классового подхода. Фактически все участники нашей дискуссии единодушны в том, что роковую роль в притязаниях марксистской идеологии на научность сыграло отождествление классового интереса пролетариата с генеральной линией общественного прогресса. Эту идею сегодня, кстати, взяли на вооружение наши отечественные фундаменталисты во главе с И. Полозковым: раз за разом они повторяют, что поскольку пролетариат является самым прогрессивным классом, его классовый интерес исчерпывающе выражает общечеловеческий интерес. Вот так современные эпигоны марксизма трактуют «диалектику» классового и общечеловеческого подходов. И это несмотря на то, что подобная "диалектика" доказала смертельную опасность и для демократии, и для человечества, и для пролетариата.

Некоторые участники нашей дискуссии (В. Алтухов, В. Ильин) предлагают идеальную модель «открытой идеологии», которую они называют новой или универсальной идеологией. Я считаю эту идею интересной, заслуживающей всяческого внимания и осмысления. Но она вызывает у меня и критическое отношение. И не потому, что я не верю в наличие универсальных человеческих ценностей. Напротив, такие ценности и цели — естественные и неотчуждаемые права человека, гражданское общество, плюрализм, экологическая безопасность, безъядерный мир, ненасильственный прогресс и т. д.— существуют, и их должны реализовать все общества. Но все же универсальная идеология, возвышающаяся над всеми частными интересами, приводящая их к общечеловеческому знаменателю, утверждающая гармонию между индивидуализмом и коллективизмом,— это, по-моему, идеальная модель, к которой должны стремиться разные идеологии, но достичь которой они не могут. Более того, слияние всех идеологий в одной универсальной означало бы появление еще одной «научной» идеологии, наподобие марксова «научного коммунизма», что грозило бы новой идеологической унифи-

кацией и было бы опасно для общества. Путь к утверждению общечеловеческих ценностей лежит, на мой взгляд, через конкуренцию большого числа «открытых идеологий», каждая из которых не отрывается от определенных социальных интересов (но и не абсолютизирует их).

Как известно, концепция создания универсальной идеологии, состоящей из общечеловеческих ценностей, была начертана на знамени нашей Перестройки. Однако сегодня уже совершенно очевидно, что ее архитектор М. Горбачев не изменит социалистическому выбору и останется привержен коммунистической, т. е. пролетарской идеологии. В отличие от многих критиков Горбачева, я отнюдь не ставлю это ему в вину, а полагаю, что этот его выбор более честен, чем попытка вместить в свою политику и выразить в ней на равных все интересы. А вот аналогичные попытки его оппонентов представляются мне как раз демагогическими.

Один из представителей вновь образовавшейся российской социал-демократической партии С. Андреев справедливо подвергает критике подобные претензии на выражение универсальных интересов: «Действительно, нет ничего лучше приоритета общечеловеческих ценностей надклассовыми и национальными. Но приводные ремни истории России оказываются надеты сегодня на иные маховики, а именно на те, которые связаны с раскрепощающимся чувством хозяина и собственника, т. е. интересами классов и нации, а отнюдь не общечеловеческими... Следует при формировании партий ориентироваться не на общие принципы, а на конкретные экономические интересы, и чем большие по численности социальные слои стоят за партией, выдвинувшей такую программу, тем больший успех ей обеспечен»³.

Формирующиеся в ходе перестройки идеологии вместо того, чтобы определиться по социальным интересам, выступают как сестры-близнецы, обещая воплотить универсальные общечеловеческие ценности и осуществить «деидеологизацию общества». Вряд ли такой путь принесет им успех в конкуренции с коммунистической идеологией, которая также выступает от имени универсальных ценностей. Это не значит, что идеологии вообще должны отказываться от выражения общенациональных и общечеловеческих цен-

³ Андреев С. Определение цели. «Огонек», 1991, № 10, с. 9, 11.

ностей, но восходить к ним они должны от конкретных социальных интересов. Исторический путь всех зрелых западных идеологий заключался именно в том, что, обретая почву под ногами как выразительницы определенных социальных и классовых интересов, они впоследствии становились открытыми для общенациональных и общечеловеческих интересов. Только такой путь обеспечил плюрализм и реальную состязательность идеологий и оказался плодотворным как для них самих, так и для общества в целом.

Возьмем, к примеру, две главные американские идеологии — либерализм и консерватизм, история которых мне наиболее хорошо известна. Вплоть до начала XX в. обе идеологии ориентировались на отчетливые социальные интересы: консерватизм защищал позиции буржуазных элит, а либерализм — интересы мелких и средних собственников, фермерства. Это не значит, что эти идеологии вообще были чужды интересам других классов или общечеловеческим ценностям. Нет, последние были представлены в них, в первую очередь в либерализме: это идущие от Просвещения принципы равных и неотчуждаемых прав людей на свободу, жизнь, стремление к счастью, свободу слова, печати, собраний и т. д. Но все же это были идеологии, выражавшие определенные социальные интересы. Положение резко изменилось в начале XX века.

Первым отреагировал на веление времени либерализм: с начала XX в. он последовательно интегрирует социалистические требования, ведет конструктивный диалог с марксизмом, другими социалистическими учениями, в целом социализируется. Это объясняет, почему либерализм прочно удерживает под своим влиянием не только средние слои, но и большую часть рабочего класса. С 1930-х годов активно трансформируется и консерватизм. Он все более делает упор на ценности, в сохранении которых заинтересованы все классы общества. На ведущей позиции и в либерализме, и в консерватизме закрепилось центристское течение, а главным их качеством стал прагматизм, что делает обе идеологии эластичными, способными объединять вокруг них разные социальные интересы, а в случае прихода их представителей к власти — утверждать национальный консенсус.

Но различия между двумя идеологиями не исчезали, они не слились в универсальную

новую идеологию, более того, между ними налицо своеобразное «разделение труда»: функция консерватизма заключается в высвобождении, активизации предпринимательской активности и экономической свободы, имеющих негативным следствием углубление неравенства, а функция либерализма — в ликвидации или смягчении крайностей неравенства, поддержании социальной справедливости. И именно такое разделение труда между двумя идеологиями благоприятствовало и благоприятствует общественному прогрессу в США. В американской истории наблюдается четкое чередование консервативных и либеральных политических циклов: консервативный цикл, стимулирующий экономический рост ценой углубления социального неравенства, уступает место либеральному циклу, в течение которого развиваются принципы социальной справедливости, но когда объем социальных государственных услуг достигает объема, парализующего экономический рост, либералы вновь уступают власть консерваторам. Так выглядит «разделение труда» между либерализмом и консерватизмом, причем обе идеологии, безусловно, являются сегодня открытыми.

В целом закономерности развития идеологий, проявляющиеся в США, характерны так или иначе и для других западных обществ. Центризм и прагматизм стали там фундаментом не только политической культуры в целом, они доминируют и в консерватизме, и в либерализме, и в социал-демократии, и даже в коммунистической идеологии. Этот центризм довлеет над право- и леворадикальными крайностями, обеспечивает возможность достижения консенсуса. Он привел к превращению всех идеологий — и либеральной, и консервативной, и социал-демократической — в открытые идеологии. Коммунистическая идеология развивается на основе парадигмы «открытого марксизма». Казалось бы, несовместимые прежде идеологии выработали терпимость по отношению друг к другу, фактически стали сообщающимися сосудами. Они конкурируют друг с другом не на основе отторжения альтернативных ценностей, а на основе адаптации их к собственным принципам. Консерватизм стал в результате социальным и либеральным, либерализм — социал-демократическим, социал-демократия — либеральной, коммунистическая идеология — социал-демократической и либеральной.

Но и слияния идеологий на основе универсальных общечеловеческих ценностей не произошло. Наличие рынка открытых идеологий является оптимальной моделью их взаимодействия.

Итак, оптимальной альтернативой монополии государственной, классово детерминированной «научной идеологии» является рынок открытых идеологий, ориентированных на определенные социальные интересы, но вбирающих и общечеловеческие ценности. Общечеловеческие ценности выступают в качестве общего знаменателя идеологий, сохраняющих вместе с тем и свой суверенитет. Но если такую модель я нахожу оптимальной, почему же в названии статьи вынесен знак вопроса? Да потому, что я далек от идеализации и этой оптимальной модели, как и всех идеологий, и считаю, что им противостоит в качестве контролирующей силы наука. Наука должна помогать идеологиям, идеологии должны черпать аргументы и рекомендации из науки, но сливаться они не должны. Некоторые ученые могут становиться идеологами и даже политиками, и это будет полезно для идеологии и политики, но если все ученые устремятся в идеологию и политику, то это будет означать смерть для науки и беду для идеологий. Поэтому я с тревогой наблюдаю за стремлением многих и многих наших обществоведов стать идеологами и политиками, за их разделением на «горбачевцев» и «ельцинистов». В результате наша общественная наука, только-только освободившаяся от диктата директивных органов, еще не обретя собственного статуса и истинно научных парадигм, по доброй воле превращается в поп-науку.

В. Ильин дает такое определение отличия науки от идеологии: «Идеология так же, как и наука, претендует на постижение и выражение истины, но саму истину и пути ее постижения они понимают неодинаково. Наука стремится выявить объективное состояние дел, раскрыть «порядок вещей». Идеологию тоже интересуют объективное положение дел в мире, законы его развития, она стремится опереться на результаты научных исследований в различных областях. Но для идеологии эти задачи всегда определяются ее функцией — выражением и отстаиванием определенных интересов она выражает не «порядок вещей», а если можно

так выразиться, «порядок людей». Для нее не может быть истины, очищенной от человеческих интересов, целей, ценностей»⁴. С чем-то в этом суждении я согласен, но с чем-то хотел бы и поспорить.

Поддерживаю мысль о том, что наука сосредоточивается на «порядке вещей», изучает структуры, функции, взаимосвязи, прошлое и настоящее «как они есть». В связи с этим, полагаю, нам следует заново осмыслить опыт позитивистского направления в общественных науках, которое в прошлом получало негативную оценку. Полагаю также, что советское обществоведение заинтересовано сегодня в развитии в качестве одного из главных именно позитивистского направления, конечно, опирающегося на современные исследовательские методы. А использование разнообразных исследовательских методов, методик, приемов составляет еще одно основополагающее отличие науки от идеологии. Наука и делится на школы в зависимости от используемых ими исследовательских методов и методик. Владение способами, приемами постижения общественных явлений определяет профессионализм представителей науки, отличает профессию ученых от профессии идеологов. Именно представители науки призваны осуществлять всестороннюю экспертизу идеологических программ.

Мое несогласие вызывает то утверждение в высказывании Ильина, что наука в отличие от идеологии совершенно свободна от человеческих интересов, целей, ценностей. Дело в том, что развитие человеческого общества многовариантно и альтернативно, и мы не можем запретить ученому отдавать предпочтение одному из вариантов или одной из альтернатив. И в зависимости от того, какой из вариантов общественного развития ученый рассматривает в качестве истинного, возникают разделения среди обществоведов уже не в связи с исследовательскими методами, а в связи с их теоретико-философскими концепциями. Во всех общественных науках есть либеральное, консервативное, социал-реформистское, марксистское направления. Но эта черта науки отнюдь не ведет к тождеству между нею и идеологией: либерального ученого, например, отличает от либерального идеолога использование специальных исследовательских методов изучения общественных явлений, он играет роль профессионального эксперта по отношению к идеологическим доктринам.

⁴«Общественные науки и современность», 1991, № 2.

Впрочем, подавляющее большинство обществоведов в своей исследовательской практике могут быть совершенно свободны от идеологических привязанностей и служить только истине. Я имею в виду ученых, занимающихся конкретно-социологическими, конкретно-экономическими, конкретно-политическими исследованиями. Больше шансов на проявление идеологических привязанностей у обществоведов, анализирующих макропроцессы — взаимоотношения между классами, обществами, эпохами, цивилизациями.

Именно потому что для ученого приоритетной является истина, а не идеал, он легче, чем политик или идеолог, меняет мировоззренческие привязанности. Но, конечно, следует различать ученых, которые меняют мировоззренческую ориентацию в силу конъюнктуры, политической выгоды, и тех, кто эволюционирует, откликаясь на требования меняющейся общественно-политической практики. Приведу пример со знаменитым американским социологом Д. Беллом: на протяжении своей карьеры он стоял на позициях и социал-демократии, и либерализма, и консерватизма. Но я бы не стал в связи с этим объявлять Белла конъюнктурщиком, ведь он менял свои взгляды в зависимости от того, какой вариант развития признавал оптимальным для американского общества. И нужно сказать, что каждый раз Белл «угадывал» оптимальную для Америки парадигму общественного развития. Когда Белл менял свои концепции, многие его левые критики (в том числе, понятно, и советские) торжествовали: пророчества американского социолога потерпели крах! Но в действительности «полная перемена точки зрения на капитализм» со стороны Белла носила научно-ревизионистский характер: менялись потребности развития американского общества и в соответствии с этим менял свои взгляды социолог. Пример с Беллом свидетельствует, что в науке и с научной точки зрения понятие «ревизионизм» отнюдь не является проклятием.

Вернусь к мысли о том, что одним из важнейших отличий науки от идеологии является то, что первая в постижении истины опирается на разнообразные исследовательские методы и методики. Эти методы и методики в отличие от здравого смысла идеологии позволяют многократно и с разных сторон проверять надежность полученных научных результатов. Думаю, что не открою большой

истины, если скажу, что в идеологический период советского обществознания (а он совпадает со всем периодом советской истории) разработке методов и методик в советских общественных науках внимания практически не уделялось. Господствовал один-единственный генерализирующий метод — исторический материализм. Правда, собственные научные методы стали со временем разрабатывать социология, экономическая наука, но когда с их помощью получали результаты, серьезно расходящиеся с результатами, полученными на основе «единственно научного» исторического материализма, слушникам выносились такие реприманды, от которых пропадала всякая охота выходить за рамки методологического и теоретического монизма. Все методы, которые не укладывались в этот монизм — структурно-функциональный, бихевиористский, культурно-антропологический, стратификационный и многие другие, объявлялись псевдонаучными и буржуазными, затыгивающими в проклятое болото эклектизма и чуждого идеологического влияния.

Но ведь обществознание, не опирающееся на разнообразные исследовательские методы и методики, дающие возможность получать аргументированные и верифицируемые научные результаты и выводы, — это «голый король». Разницы между ним и идеологией в этом случае нет. Такой наша обществоведческая наука предстала и к началу перестройки.

Изменилась ли она за истекшие шесть лет? Нельзя не видеть, что в нашем обществознании началась ломка традиционных концепций, выдвинулись новые яркие ученые, у которых не было шанса проявиться в эпоху застоя. Вместе с тем сегодня обществоведение проходит своеобразный этап развития, когда новые обществоведческие идеи и гипотезы зачастую высказываются в публицистической форме. Это закономерно для революционного переходного периода. Но очень важно, чтобы такие новые обществоведческие идеи и гипотезы не застыли в своей публицистической, на мой взгляд, тождественной идеологической, форме, не превращались в новые идеологические формы, но проходили всестороннюю научную проверку.

Увы, процесс соединения публицистики с наукой у нас развивается крайне медленно. Фактически обществознание, выйдя из одного идеологического периода, вступило в новый идеологический период. Своеобразие

второго в том, что сейчас обществознание развивается не в одной, а в нескольких идеологических формах. Но как и прежде, оно пренебрегает научными одеждами — исследовательскими методами и методиками, без чего обществознание обречено и впредь оставаться «голым королем». В качестве альтернативы обществознания застойного периода выступила кичливая и крикливая поп-наука, угрожающая «народному требованию» свершить чудо и разрешить общественные беды в мгновение ока.

Своего рода кредо этой поп-науки было высказано кандидатом экономических наук Л. Пияшевой, частой гостьей средств массовой информации. Она принципиально отрицает необходимость каких-либо методов и методик для экономической науки, занятой разработкой путей перехода к рынку: «Не верьте ни одному «модельеру», ни одному «расчетчику» и «планировщику» постепенного перехода к рынку. Заблуждается тот, кто полагает, что можно, сидя в кабинетах, рассчитать пропорции, сформулировать рыночные инструменты и инфраструктуру, сконструировать рыночные отношения и по дням расписать стратегию перехода... Не верьте ни одному проделанному в ЦЭМИ «научному прогнозу», ибо у них нет, не было и не будет (пока цены не станут свободными) единицы для измерения затрат и результатов. Цены наши ничего не отражают, а в штуко-километрах и килограмме-бутылках ничего подсчитать нельзя. Все свои расчеты сотрудники ЦЭМИ осуществляют на основе «имитации» рыночных отношений. Это коварная штука, ибо никто и нигде не может заранее знать, какие цены установятся на землю, дома, оборудование, даже на сырье и потребительские товары... Не приглашайте Василия Леонтьева в консультанты, ибо он советует, как рассчитать «правильные» цены и построить «правильные» балансы. Оставьте все эти упражнения для филантропов и начинайте жестко и твердо переходить к рынку незамедлительно, без всяких предварительных стабилизаций»⁵. Не собираюсь обсуждать концепцию Пияшевой — это выходит за рамки темы дискуссии. Укажу на другое: воинствующее отрицание ею научных методов как способа нахождения истины и противопоставление им в качестве собственного метода идеологических заклинаний рынком. Неуже-

ли, думаю я, перестройка сведется к тому, что наряду с заклинаниями социализмом появятся заклинания рынком, а на место одной «научной идеологии» заступят две, три, четыре, подобные ей. Идеология умерла, да здравствуют идеологии?

Общественное мнение и средства массовой информации склонны возлагать ответственность за идеологизацию и беспомощность общественных наук на сами общественные науки. Большая доля истины в этом есть. Но разве сами средства массовой информации не поощряют идеологизацию общественных наук, охотно предоставляя место тем ученым, которые готовы угодить «голому королю»? Почему средства массовой информации не попытались ни разу подвергнуть научной экспертизе заклинания Л. Пияшевой и ее единомышленников и попросить у них хоть какие-то расчеты? И почему их труды блестяще отсутствуют в каких-либо научных изданиях? А ведь американец М. Фридман, кумир Пияшевой, получил Нобелевскую премию не за заклинания и идеологизмы для Р. Рейгана, а за исследовательские экономические монографии, которые и сделали его авторитет реальным.

Идеологический плюрализм, конечно, способствует перестройке обществознания, но не исчерпывает ее. Реально его перестройка начнется тогда, когда наши ученые смогут во всей полноте овладеть исследовательскими методами и методиками мировой науки и вести на их основе свои изыскания. Огромная роль в этом принадлежит высшему образованию, а оно, кажется, не сдвинулось с мертвой точки. У меня же есть такое предположение, что подлинную перестройку нашего обществознания смогут осуществить новые поколения выпускников вузов, овладевших классическими и современными методами мировой науки. У старших поколений обществоведов овладеть этим богатством просто не хватит сил.

Принцип «идеология умерла, да здравствуют идеологии» применительно к нашей конкретно-исторической ситуации вызывает у меня противоречивое отношение и по той причине, что плюрализм привел у нас к тому, что на место одной идеологической крайности — коммунистической — заступило сразу несколько право- и леворадикальных крайностей. Средства массовой информации разделились в своем большинстве на право-

⁵ Пияшева Л. Умом понять Россию. «Огонек», 1990, № 44, с. 6.

и леворадикальные; пестуемые ими идеологии, как верно заметила В. Федотова, «имеют явно популистский оттенок, даже если и вытекают из концепций, предлагаемых учеными». Свобода, конечно, необходима для науки, но свобода без культуры вряд ли приведет к ее расцвету. Наука и идеология остаются у нас сямскими близнецами, ответственность за это может быть в общем виде возложена на наше многовековое тоталитарное прошлое. Пока «научная идеология», она же марксистско-ленинская обществоведческая наука, отрицается на основе бесхитрост-

ного принципа «от противного»; то, что ранее оценивалось со знаком плюс, ныне оценивается со знаком минус, и наоборот. Кризис общественных наук не преодолен, он вступил в новый этап, правда, этот этап в отличие от прежнего дает надежды на выход из кризиса. По крайней мере мы можем обсуждать кризисное состояние общественности, о чем раньше невозможно было и помыслить.

© В. Согрин, 1991